

Предисловие

Я всегда был непоседой. Если поблизости находился лес я должен был его исследовать; если холм я должен был на него взобраться. Я изучил все соседние дворы, подвалы и даже гаражи. Всеми этому виной были те книги которые переполняли Наш дом. Томами приключенческих изданий были забиты два книжных шкафа и все полки в моей комнате. все Произведение Марк Твена, Майн Рида, Жюль Верна, Фенимора Купера, Джека Лондона и Конан Дойля вместе крутились у меня в голове и из-за этого я часто попадал в неприятности.

Одним летом я чудом спасся от смерти. Мы были в нашем летнем доме в горах. Моя сестра и двоюродные сестры с братьями и без приключений прекрасно проводили время- Собирали грибы, , обливались водой, играли в построенном мной шалаше на опушке леса, или же помогали тетям с выпечкой и вышивкой. А меня в сердце всегда звала подальше от дома, к не исследованным пока местам.

Вблизи с нашим домом на лугу стоял огромный дуб. Он был настолько большим, что на месте разветвления удобно размещались семеро детей и в бинокль наблюдали за дорогой. Это был наш "штаб". Здесь мы все были шпионами имели различные звания и задания, которые раздавал нам наш старший двоюродный брат Мика. Конечно же я не был полностью удовлетворён своими обязанностями- нужны были личная инициатива и активность. Именно поэтому я решил покорить наш дуб до самой макушки. Дети пытались остановить , но это еще больше вдохновляло меня. Я долго лез наверх. Наконец я добрался до макушки и высунул голову из листьев. Понял что не зря старался. Впервые попал на "небо". Как же мне описать тот восторг и "мурашки" удовольствия, которые я тогда испытал: , луга, горы, луга, дороги, дома, сады, дороги, села А за ними синее небо, уходящие вдаль лёгкие облака доносящийся откуда-то глухой гул машины. Вот что я тогда увидел. Стоял и в голову приходило тысячи детских идей вперемешку с мечтами: летательные аппараты, мосты пролегающие от горы к горе, летающее кресло, маленький летающий домик с тёплой кроватью, Дом на сваях еще выше чем наш дуб и всякое такое.

- Нильс, Нильс Где ты?!- услышал голос мамы откуда-то снизу. Понял что дети рассказали ей о моей непокорности. Что же оставалось делать? Наказания было не миновать. Только что на этот раз: выкопать морковку на грядке, убратсья в доме или очистить двор?! - да мамочка, Я иду!- крикнул сверху и начал быстро спускаться чтобы мама подумала как-будто я прятался где-нибудь в ветвях пониже. Спускаться оказалось намного сложнее. Я даже боялся немного, но всё равно спешил оказаться внизу-" треск"! раздался резкий звук под ногами и в глазах быстро закружились ветки. я даже не успел сообразить, как в бок что- то очень больно воткнулось. дерево остановилось, остановился и я. я застрял в раздвоенной ветви. ноги болтались в воздухе. от боли перехватило дыхание. вниз еще далеко было лететь. я понял что в тот момент чудом спасся от смерти, хотя всеравно еще не был спасен до конца. ветка которая обламалась у меня под ногами все еще с треском летела вниз. "Ниильс!!!" послышался снизу отчаянный крик мамы. Если побыстрее не

вздохнуть всё остальное уже теряло смысл. наверное я уже никогда не смог бы оттуда спуститься. коекак я смог выдохнуть и начал высвобождаться из разветвления. до сих пор не помню, как я это смог, так как не ногой не рукой не до чего не мог дотянуться. наконец я кое как вскорабкался на ту же ветвь, в разветвлении которой застрял и понемногу начал перемещаться к стволу дерева.

-Нильс, где ты Ниильс?!- снова послышался голос мамы.

-Ниильс, Ниильс!- кричали моя сестра с двоюродными братьями и сестрами откуда то из под листьев и веток. наконец я смог одолеть боль и с дрожащим голосом крикнул:

-я здесь, идуу!

С дрожью в коленях, потихоньку сполз на землю и бледный, со слезами обнял маму.

Следующие две недели я провел в постели. вес левый бок и спина были ободраны и еще два ребра треснувшие. Я даже был немного рад- во первых я избежал наказание, а еще все надоедливые задания, как принести воду из колодца, или сходить в пекарню распределились на остальных детей. вдобавок еще все моих три тети и мать были в моем распоряжении. А я весь день ничего другого не делал, кроме как чтения моих любимых книг и рисования. именно тогда мне попала в руки одна книга, которую никто и никогда не смог объяснить как попала в наш летний дом.

Уже шла вторая неделя, как я лежал в постели перевязанный. потихоньку начал независимо ходить в туалет. однажды, когда под кроватью пытался рукой нащупать тапочки, вместо тапок в руку попала книга. это был сборник произведений Германа Гессэ. То как я воспринял Гэссе ребенком и как -взрослым, тут не имеет значения. Главное, что у этой книги было самое странное предисловие, какое я когда либо читал.

Была описана его личность и отношение к миру. Рассказывалось о его детских годах и семье. его школьный период. в студенческий период его бунтарская душа начинает искать приключения: он примкнул к молодежному движению и за участие в действиях протеста два раза попал в тюрьму. Времени в тюрьме он зря не терял-читал и писал. временами даже развлекался рисованием и когда тетради ему уже не хватило, начал рисовать на стене камеры. директору тюрьмы нравился Гэссэ и "закрывал глаза" на подобные развлечения его. более того, директор даже передал ему цветные краски и позволил продолжить рисовать на стене.

Гэссэ начал создавать на стене пейзаж: сначала нарисовал луг и небо. Потихоньку на лугу начали появляться цветы и коровы. Пейзаж заполняли все новые детали. так на рисунке появились горы и лес. а потом еще добавился и поезд. Гэссе изо дня в день все больше надоедала тюрьма и в один прекрасный день, когда его терпение иссякло, он сел в поезд и покинул тюрьму.

Я не верил своим глазам. Мне было сложно осознать, что биография одного человека, которая была передана на нескольких листах, а не на полстранице, как я рассказал, могла так закончиться. "Что? как? что это значит?"- спрашивал сам себя. я не мог понять, было ли это шутка, или, или... несколько раз я даже подумал, а что если он вправду так и сбежал из тюрьмы?! одним словом, до ночи думал только об этом, уставившись на трещины в потолке. со двора доносился веселый гам двоюродных братьев и сестер с моей родной сестрой, но мне не секунды не было жалко -так сильно был увлечен историей побега Германа Гессе. вечером мама даже спросила "Нильс, у тебя все хорошо? ты ни разу не позвал за весь день, неужели тебе ничего не было нужно?". В ту минуту мне очень

захотелось рассказать маме про предисловие к книге Германа Гэссэ. Я подумал, что возможно она когда ни будь читала эту книгу и знала что в этой истории правда, а что вымысел. Мама конечно же читала Гэссэ, но подобное предисловие ни то что никогда не встречала, вообще не могла понять как та книга очутилась у меня в руках. Я вкратце рассказал всю биографию Гэссэ и закончил рассказ точно так, как это заканчивалось в книге «...в один прекрасный день, когда его терпение иссякло, он сел в поезд и покинул тюрьму.» Я ожидал от мамы Как минимум удивления, а она не задумавшись выпалила

- аа, это еще что! Ты должен знать как Инге Снит и Уго Урсусберген сбегали из дворца Урсусберген-ов. Вот это был побег!

-ктоо? -переспросил я удивленный

Я вообще забыл про Гэссэ, так сильно увлекла история рассказанная в двух словах.

Следующие две недели мама рассказывала эту историю и клянусь вам меня так втягивало каждое слово что совсем забыл про боль в спине и ребрах.

Мама родилась в одной красивой, окруженной горами финской деревне Кайлеэн. Там же закончила среднюю школу имени Тора Урсусбергена, а затем музыкальный лицей имени Брунхильды Льевзи. Инге Снит и Уго Урсусберген были ее одноклассниками. Да, между прочим мамочка зовут Бригой, а отца - Калле, Калле Симон и его дом так называют «маленьким Калле». Ая Нильс Симон и эту историю рассказывает о том в тех словах и последовательности, в которой рассказывала мне мама.

ГЛАВА 1

Барон Волкан Льевзи был весьма знаменитым а к тому же приятным во всех кругах личностью. Его ценили не только как успешного географа и геолога, но еще и как хорошего человека. Волкана хорошо знали во всех родовых дворах и учебно-исследовательских учреждениях, как в Мэрави (на его родине), так и в остальной Европе, Индии, Китае, России и Британе.

У барона Волкана в то время был трех летний сын Алекс, который свое детство проводил в родовом замке Льевзи в Мэрави вместе с мамой и няньками. Сопромон виделся редко в течении двух, или трех месяцев за год. Но даже за столь краткое время Волкан давал сыну столько тепла и заботы, что несмотря на вечное женское окружение, Алекс рос мужественным отзывчивым мальчиком. Пока отец пребывал в дальних путешествиях, Алекс все время читал его рассказы и статьи; ждал писем Волкана, чтобы скорее узнать новую историю местонахождение своего любимого отца, которого всегда не хватало.

Так продолжалось пока Алексу не исполнилось восемь лет. В замке все было по прежнему: те же самые няни, те же повара, тот же конюх, те же книги и даже та самая посуда. Хотя, после того происшествия в поместьи Льевзи многое изменилось основательно.

Это произошло в 1843 году. Барон Волкан Льевзи пытался преодолеть холодные и непроходимые леса Лапландии вместе со своими преданными спутниками. Их целью было обнаружение торфяных залежей а затем проложить путь на север к северу Инариозви, откуда одна из крупных торфяных компаний собралась связаться с морскими путями в Баренцевом море. Экспедиция проходила в сложнейших условиях — они испытывали постоянный недостаток еды и тепла. Столкновения с волками и медведями в дороге забрало две собаки и три лошади. В группе из двадцати человек пятеро были охвачены горячкой. Изнемогая команда еле одолевала по пять километров в день через дремучие леса с большими друзьями и нагруженными санями.

Подобные сложности да еще и похуже Волкан с друзьями видели не в первый раз, поэтому

они даже не думали сдаваться — настойчиво продвигали братья пробираясь по грунту и продвигались вперед.

Однажды ночью когда уже все стало, барон Льевзи сидел у костра и заглядывал в записи. Приближался рассвет, но Волкан все еще сидел у костра, как будто ждал чего-нибудь. Сам не понимая почему, его одолевало неопределенное чувство тревоги и беспокойства. Волкан попытался вникнуть в суть собственных волнений, но ничего существенного не обнаружил, ведь подобные приключения были чуть ли не частью его повседневности. Точнее же вспомнил про Алекса, хорошо «присмотрелся» к приметам страха стоящим за его мыслями, но и тут понял, что волновался не из за сына — Алекс постоянно находился в кругу

заботливых нянь и матери и в Мэрави тем временем было спокойно. Тревога волкана как будто некоторым образом носилась к будущему. Но только его, а может и вовсе не его, но его семьи, или скорее будущего поколения. Он даже не мог осмыслить, что чувствовал, но какое то чувство его влекло в лес. Никак не мог понять, что происходило, но не отглядывая «задняя мысль» подсказывала, что он немедленно должен был идти туда, куда его вело чутье. Волкан полностью отпустил свое тело и чувствами без малейшего опасения и страха ступил в гущу леса. Блестящий свет зарева делал рельефы деревьев еле различимыми но он на это даже не обращал внимания. С хрустом веток под ногами Волкан все больше ускорялся и скоро когда стало еще светлее, он уже бежал во всю даже потерял чувство времени и менее осознавал, что происходит в общем. По ходу рельефа все больше выравнивался, а лес становился все реже. Еще несколько секунд и Волкан очутился по колено в торфяном болоте. Лишь сейчас он остановился и оглянулся.

Уже рассвет. Холодная вода опривела его и теперь начал думать о том, как очутился в болоте. Он выбрался на берег и начал выливать из сапога воду, как вдруг издалека послышался еле различимый, но хорошо знакомый волний лай. Волкан замер и прислушался. Имять овладело то чувство, которое его привело сюда и в место того, чтобы покинуть то место, надев сапоги, быстро движениями хищника снова двинулся, по направлению звука. Волны шум приближался и минуты через три, они их увидели за деревьями. Пять, или шесть волков стояли на берегу болота и с остервенением лаяли на кого-то, или на что-то в воде. Волкан переместился от одного дерева, к другому и увидел вблизи берега стоящего по пояс в воде лапландского мальчика. Волки не могли зайти в воду и ждали когда мальчик сам выберется на сушу. Волкан понял что не имел с собой ни ружья, ни пороха. Единственное, на что он мог рассчитывать, был охотничий нож на поясе. Волкан снова привел в себя, к тому же очень быстро и все испытанные способы выживания вместе включились в его спячю мозге. Время не стояло и лишним действием он мог погубить и себя и мальчика. Первым делом Волкан поднял с земли две длинные палки. На конце одной тесьмой с берега крепко привязал охотничий нож. Затем быстро разделся выше.

Пояса, одежду разбросал на земле и помылся на ней. Две рубашки вымоченные в мочу развесил на равные палки и выставив вперед одну с ножом на конце двинулся на волков с нечеловеческим криком разом волки вступились, но увидев человека они вместе двинулись на него. Волкан заржал еще больше и начал размахивать рубашками как флагами. Как только волки поняли мочу, они остановились. Начали растерянно топтаться и пощипывать как при насморке с несудительным скалом. Как только «территориальное разграничение» стало очевидным Волкан начал по крошечку перемещаться к болоту. Волки к нему близко не подходили, но и далеко не уходили их разделял невидимый барьер запаха мочи, что для волков означало неприкосновенное соблюдение территории. Волкан приближался к берегу болота, но волки не отставали. Маленький мальчик из последних сил старался поддерживать в холодной как лед воде губы посинели и дрожал всем телом. Он как будто не верил тому что происходило на его глазах и с терпением наблюдал за развитием действия.

- иди ко мне! — прокричал барон, когда оказался спиной у воды. Мальчик не тронулся и безмолвенно, а точнее бессмысленно продолжал наблюдать за Волканом — быстрее сюда! — повторил Волкан, но мальчик попрежнему шевелил своими большими глазами и не двигался. Только криком тут было не помочь. Вымоченные в мочу рубашки барон разложил между собой и волками. Затем еще раз помылся перед собой полукругом задним ходом подошел к мальчику. Мальчик посмотрел на Волкана ледяным взглядом.

- иди за мной, слышишь? — погону то тихо провнес барон. Мальчик только кивнул. Волкан взял его за руку и повел к берегу. Мальчик при первом же шаге «срубился» с ног и наверно криком провалился бы в воду, если бы Волкан не поймал его. Они все еще стояли по щиколотку в воде, когда издалека послышался звук лошадиного галоп и человеческого крика.

- Волкан!

- мы здесь! — закричал волкан в ответ.

Не прошло и минуты как вразмах друг Волкан прискакал к ним верхом прогнал волков стрельбой из ружья. Через несколько минут все остальные члены команды, которые разбросались в разные стороны на поиски Волкана, собрались там же.

Маленького мальчика звали Терки. Тот день и следующую ночь он провел с путешественниками в лагере. Завернутый в теплый стальной мешок Терки лежал у огня и путешественники частенько давали ему горячий чай. Ближе к вечеру Терки заснул и проспал до утра ни разу даже не слышав бок.

На следующее утро Терки все рассказал, как он потерялся сходя в лес за утренними грибами и наткнулся на голодных волков. Волкан спросил его про семью. Оказалось что Терки вместе с семьей жил за холмами в маленьком поселении оленеводов. Отец звали Ану, а мать — Инери.

Ану целые сутки искал Терки в лесу, но не нашел его ни живого, ни мертвого. Бедняге уже в мочь было и ходить и даже плакать, когда на вершине холма увидел всадников, а вместе с ними — своего сына.

Впоследствии неделю руга Волкан провел в поселении Лапландцев, которую теперь было даже назвать поселком Ану вместе с семьей жил в небольшой землянке, так же как и остальные соплеменники. Они распределили путников к себе в дома и следующе семь дней ухаживали и развлекали гостей как могли.

Именно здесь и начинается история. Если бы не Волкан, или если бы не происшествие в лесу с Терки, но скорее если не Ану, который по природе своей был сверх преданным мужественным человеком кто знает что было бы дальше?! По понятию Ану (а это так и было), Волкан ему во второй раз подарил сына. Не было еще случая, чтобы Ану солгал перед кем-нибудь, а тем более богами. Он несколько дней молился духамна имя Волкана и в конце отдал самый ценный дар. Все свое оленье стадо раздал соплеменникам поклялся Волкану, что он сами семь поколений его рода будут преданно служить роду Левизи. Был бы с ними во всех бедах и любой ценой защитит бы их жизни. Волкан попытался переубедить Ану — просил, чтобы он не шел ради него на такие жертвы старался объяснить, что так поступил бы каждый человек с честью тем более что у него самого был сын. Но все это еще больше утверждало Ану в том что он был в долгу перед богами. Он даже не сомневался что по иному было невозможно поумствоваться то, что поумствовал Волкан на расстоянии тысячи оленьих прыжков.

Через неделю после случая с Терки Ану расстался со всеми друзьями и вместе с семьей отправился за путешественниками по направлению Баренцево моря.

Волкану по надбилось еще два месяца, чтобы достичь северных морских путей. Оттуда сначала погасть в Польское королевство, а затем добраться до герцогства Слово-Мравии.

Европа кипела, везде присутствовал революционный настрой и вправду не на шаг не отходил от Волкана вплоть до самых дверей замка Левизи.

Счастливым маленького Алекса не было предела. Вернулся папа-его легенда, его герой и что самое главное, с новыми друзьями.

ГЛАВА 2

1868 год

Той зимой в Мфавии было очень холодно и выгел большой снег. Это конечно создавало трудности торговцами путешественникам, но дети были довольны. Куда не глянь, везде были устроены снежные замки и горки для катания.

С отоплением дворца Лавизи еле справлялись лесники, а конюхи чуть ли не стали в конюшне вместе с лошадьми. Они без конца ходили, то к одной, то к другой лошади в стойло и накрывали чем могли, было то одеяло или ковры, чтобы животные не замерзли.

Лучше начать с того, что Баронесса Анна была беременна. Да, Анна являлась прекрасной и отзывчивой женой молодого Барона Алекса. Причиной было лишь то, что Волкан не лицеприят этого счастья. За десять лет до свадьбы Алекса, Волкан путешествовал в Амазонии и с тех пор не от него, не от кого либо из его командировки, никаких вестей не получал. Всех сильно потрясло это событие и долго не теряли надежду. Ждали, что в один прекрасный день Волкан вернется домой живым, но прошли почти десять лет, а его следов все еще нигде не было видно.

Появление Анны очень оживило семью. Она была со всеми одинаково добра и вежлива. И очень скоро еще один маленький Лавизи должен был прибавиться к роду. Девять месяцев беременности почти прошли и день и во дня уже все ожидали родов Анны. Были приглашены лучшие доктора не только Мфавии, но также Тифингии и Богемии. В замке даже была отведена и соответствующая оснащенная родильная комната. Доктора в день по несколько раз проверяли состояние Баронессы — все шло хорошо, хотя никакого сдвига пока не было.

Город продолжал жить своей жизнью: пекарни продавали самые вкуснейшие булочки и хлеб, благословие которых приправленный дымом окутывал весь город, гонимые трудом, но всегати бодро раздвигали плуги, школы попрежнему работали и дети тоже не отставали от веселья. После уроков, а тем более по воскресеньям, улицы сада наполнялись детьми всех возрастов. Особенно много их бывало вокруг родового замка Лавизи, так как дворец стоял на пригорке и спускаясь оттуда на санях было самым веселым развлечением.

Было как раз воскресенье и вокруг замка кружилось много детей. Везде был слышен веселый шум. И день был солнечный. Все были в отличном настроении. Маленькие Алиса и Кельми спускались на санях с горки и каждый раз у подножья сами спрыгивали, чтобы не выскользнуть на переполненном льдом и лошадиными улицами пониже. Так они то закатывались колунубудь кубарем под ноги, или валили чужого снеговика, но никто не обижался. Наоборот, вместе смеялись и помогали детям встать. Было только за полдень и никто не спешил идти домой, но внезапно солнце скрылось за облаками стало очень холодно. В воздухе начали витать снежинки и вскоре снег участился. Туча все спускалась и дети начали расходиться по домам. Алиса подняла воротничок шубки и с иввиненем сказала Кельми:

-я пойду домой, хорошо? Почему ветер тоже поднялся?

Кельми был очень вежливым мальчиком, поэтому решил, в непогоду проводить подружку до дома.

-я провожу тебя, погода портится. Не пойдешь одна? Адрвай я тебя на своих санях отвезу, так быстрее будет.

Алиса обрадовалась. Кельми в первый раз проводил ее домой, а ведь они были знакомы почти с рождения. Мать Алисы так же как и мать Кельми работала на кухне в замке Лавизи. А отец Кельми был главным мастерским. Отвечал он за починку и поправку всего в замке и звали его Терки. Да, да Кельми был сыном Терки.

Погода все ухудшалась и Кельми уже бегом шел к дому Алисы. Улицы немного шла в уклон и это помогало мальчику тянуть сани. Когда они дошли до дома Алисы снег уже валил хлопьями и ветер усиливался.

-Кельми, ты тоже приходи, мама нам приготовит булочки с горным молоком, а вечером папа всех вместе отвезет в замок в упряжке — предложила Алиса Кельми.

-нет, Алиса, не могу, больше спасибо. Мне лучше поскорее вернуться в замок, пока пурга не поднялась, а то маме будет переживать. А еще, вчера ночью доктор сказали, что этой минуте каждую минуту можно ожидать родов госпожи Анны. Так что я могу быть полезен вечером в замке. Больше тебе спасибо, но я должен идти.

- хорошо Кельми, больше спасибо, до встречи. Приходи в гости когда выйдет погода.

-хорошо, приду, до свиданья.

Когда Кельми вошел на кухню замка с задней двери, снаружи все небо было серыми стеклами двойных окон замка звенели от тряски. Кельми весь был белый от снега.

-где же тебя носил? Разве так можно? Что только не подумала! Разве не видишь, что творится на улице? — взволнованная мама подошла к Кельми и стянула его тулуп и шапку. Кельми понял что мама не злилась на него, она казалась взволнованной, но скорее от чего то другого, чем от отставания Кельми.

-иди, садись сюда и поужинай тем что лежит на столе, хорошо? А потом тихо поднимайся в комнату и ложись в постель. Прощай тебя, не броди по коридорам. Час назад у Анны начались роды и сейчас все заняты. Не мешай под ногами. Одним словом, мне некогда Кельми, будь умницей! Богумира (так звали маму Кельми) с дровяной печи пологенем сняла миску полнужареной воды и быстро вышла из кухни.

В замке и вправду стояла непривычная тишина. Прислуга разместилась у дверей своих комнат при случае спрашивая про состояние Анькакогонибудь делового прохожего. Богумира по главной лестнице поднялась до третьего этажа и направилась к северному флигелю. По пути она встретила Терки и на несколько секунд быстро переговорили между собой.

- мальчик вернулся? — тихо выпалил Терки.

- да, он на кухне и сам поднимется в комнату — также быстро ответила Богумира.

- хорошо, я буду в конюшню должен предупредить, чтобы изапрягли сани и приготовили теплые шубы, на случай если придется Ану перевозить куда-нибудь, — еще раз выговорился Терки и оба пошли своим путем. В конце коридора стояли несколько человек и тихо ждали любой приказ.

- что происходит? — тихо спросила Богумира.

Пожилый Ану, камердинер Фантишек и его жена, главная гувернантка замка Божена вместе посмотрели на нее.

- на сей час все в порядке — спокойно отвечал Фантишек и дважды коротко постучал в дверь. Дверь открыл акушер и наговину выступил в коридор. Только Богумира передала ему миску с горячей водой, как сзади них открылась дверь другой комнаты и появился Барон Алекс. Все быстро посторонились и Алекс и акушер оказались друг напротив друга.

- Станислас, скажите какое положение? — сдержанно, но явно волнуясь спросил Барон.

- Барон, вам незнакомы. Процесс начался и все проходит последовательно хорошо. Анна чувствует себя бодро. Никаких осложнений не выявлялось. Доктор Янковски только что обследовал Баронессу. Предполагаем, в течении ближайших полчаса все благополучно завершится.

Поверьте, о всех новостях буду немедленно докладывать. Теперь позвольте вернуться к делу.

- Благодарю Станислас. Прошу, продолжайте исполнять свои обязанности. Большое спасибо.

Акушер кивнул Барону головой и вернулся в акушерскую с горячей водой.

В этой комнате вместо кровати по углам на столиках покрытых голубой клеенкой стояли четыре лампы на китовом жире и все четыре блекло мерцали. В комнате кроме Станисласа не было никого. Станислас подошел к длинному столу и поставил на него миску. Он перебрал акушерские инструменты и часть сложил в скругленную железную корзю. Затем подошел к идущей в родильную комнату двери и очень тихо постучал. Из комнаты вышел доктор Янковски и призывал за собой дверь. С ним в комнату пробрался легкий запах стирга, нафталя и травяного парфюма. Доктор подошел прямо к столу, намылил руки и без звука поддел знак Станисласу, чтобы тот налил воду.

Стояла странная тишина. Никакого звука не было слышно даже из родильной комнаты — не рожавшей женщины, не докторов и даже инструментов. Лишь дробь окон, свист ветра и погребивание лампы на китовом жире заглушили хлещущую тишину замка. Доктор Янковски закончил мыть руки и из стеклянного пузыря налил себе на ладонь стирг. Станислас поставил ковшик с теплой водой рядом с руками и посмотрел на доктора ожидая что еще попросит он. Доктор протер руки стиргом и высушил новым полотенцем из рук Станисласа.

- Значит положение такое — пациент стиг, мией двли успокоительное. Доктор Фен-Берна его обследовал. Я даже не знаю как это назвать, — доктор Янковски задумался, он искал слова. Станислас в напряжении уставился на доктора. Внезапно задрожали окна и где-то

из коридора донесся звук битого стекла. Оба посмотрели в ту сторону. Главы в лампах заиграли и чуть не погасли.

- Наверно где-то словилось окно, — про себя проговорил Станислас.

Доктор тихо приоткрыл дверь в родильную комнату и убедившись, что там все попрежнему, вернулся в акушерскую.

¶ - короче — продолжил доктор Янковски, — дело имеем очень необычным явлением. Говоря по правде, не я не Нванек, не Фен-Берна ни разу не имели подобного в нашей практике. Мы решили, сделать Кесарево сечение, чтобы получить возможность наблюдения за ребенком прямо в утробе матери. Да, про Кесарево сечение Алекс должен знать заранее.

¶ - да, конечно, но в чем дело? Что с ребенком?

¶ - дело в том, что мы не знаем этого, а также не знаем чего следует ожидать. Родитель фактически готов к природным родам, но как только мы получили первые знаки к этому, заметили что у нее жар.

¶ - да, но ведь так же бывает, что у роженицы может подняться температура при природных родах?

¶ - мм да, вправду так же бывает, и у этого могут быть различные причины, но сейчас дело в том что, источник является младенец. К тому же при осмотре Фен-Берна

подтвердил, что температура растет. Если бы это был какой-либо вирус, то источник являлась бы мать, но здесь... мы должны немедленно сделать Кесарево сечение и что-нибудь предпринять, так как если температура будет расти дальше, младенское сердце может не выдержать.

- да, все понятно.

- и так, подтвердите нам что, мы начинаем операцию будем надеяться на лучшее. А вы meanwhile сообщите Барону Алексу про Кесарево сечение. Ну, а про эту непонятную странность пока ничего не говорите, — Доктор Янковски быстро повернулся и ушел в родильную комнату.

ГЛАВА 3

Она по прежнему дрожала, в дымоках свистел ветер. В родильной комнате царил тишина. Анна стала на операционном столе, доктора с профессиональным терпением молчаливо наблюдали каждый вздох и удар пульса роженицы.

-начинаем. Складывать нельзя, - с тяжёстым вздохом заявил доктор Янковский, - Фёдоров, попроси вас, немедленно подготовиться к Кесареву сечению. Доктор Новачек, как вы думаете, можем ли пациенту добавить стимула?

-стимула не стоит доктор, - отвечал Новачек, - предлагаю операцию провести быстро. Мы можем дополнительно применить камфорную мазь для местного обезболивания.

-благодарю вас! Итак, Доктор Фёдоров, прошу, обеспечить хирургическое сечение и извлечь младенца. Доктор Новачек, вас попрошу ассистировать Фёдорову а после немедленно наложить трехслойный шов на сечение. В этом вам нег равен. А я буду наблюдать за состоянием пациента и во всем помогать при необходимости. Коллеги, начинаем!

В родильной комнате началась суета. Все три доктора последовательно и в точности выполняли то, что было необходимо для спасения двух живней. На самоделе доктора сильно волновались, так как не имели представления сколько могло расти температура младенца, тем более что в те времена большинство Кесаревых сечений заканчивались гибелью матери. Янковского подбадривало лишь то, что рядом с ним стояли две золотые головы «центральной Европы» с их «золотыми руками». Все проходило так организованно и бесшумно, что кто ни будь за дверью мог подумать, что в комнате все спят, а за окном пурга разносит все.

Из коридора ногой не сходили Фангишк, Божена и Аяну.

В дверь комнаты Алекса постучался Станислас. Дверь быстро открылась и на пороге появился окутанный дымом табачка Алекс.

- Барон! — невольно медленно начал Станислас, из за чего Алекс еще больше разволновался.

-Говори быстрее, в чем дело?! — выпалил запуганный в эмоциях Алекс.

-Барон, все в порядке, не волнуйтесь, прямо сейчас проходит операция и скоро все законится. Дело в том что Баронессе Ане...

-чтоо?! — вскрикнул Алекс, - что за операция?!

-Барон, все в порядке. Дело в том что, стало необходимо выполнить Кесарево сечение и я просто ставлю вас в известность. Поверьте, Доктор Фёдоров очень опытен в этом деле и...

-Алекс сорвался, он уже не контролировал себя.

-пропусти! — прокричал он, подвинул Станисласа в сторону и направился к двери акушерской комнаты.

-Алекс, прошу вас, сейчас нельзя вам находиться там! — пытался его переубедить Станислас.

-Алекс, дорогой, послушайте Станисласа, сейчас так лучше для Аны! — пыталась успокоить Алекса стоящая рядом Божена. И никто не знает, как бы дальше поступил Алекс, если бы не тот звук, который его вместе лишил дара речи и действия. то было Алекс спустил дверь у порогу акушерской комнаты и должен был войти, как из родильной комнаты гонимой днесся план новорожденной. Все одновременно застыли. Алекс застыл на месте. Он обеими руками взялся за дверную ручку и тихо прошептал:

-мой ребенок, моя живень, -из глаз невольно покатились слезы присел на колени.

Это была маленькая девочка, маленькая прекрасная Ерунгильда Лавши. Аня уже подобрала для нее имя. Если это была девочка, то ее называли Ерунгильдой, а если мальчик - Волкан. Только маленькая живень начала свое существование как уже оказалась на грани конца и доктора не имели малейшего понятия, -что могли с этим сделать. Только Ерунгильда увидела свет, как ее тело начало еще сильнее нагреваться. Такой физиологической аномалии еще никто никогда не встречал. Маленькое сердце Ерунгильды работало с таким ритмом так быстро перебрасывало кровь в сосуды что организм начинал перегреваться. Через две минуты от рождения маленькая Ерунгильда потеряла сознание и «золотые головы» Европы с судорожными руками присутствовали при последних секундах младенца. Ветер все еще свистел и окна все дрожали. В амне Лавши наступала самая трагичная ночь. Секунды растянулись в тикуювенность и неожиданно страшный шум крушения стекол всех оторвал от более страшной реальности. Окно родильной комнаты вылоло пургой и снежная вихрь наполнила комнату ледяным холодом и снегом. Все лампы погасли, а с новорожденной сорвало покрывало. Голго младенца окутало морозом и снегом. Новачек рванул к окну, чтобы закрыть его, но в этом не было смысла, все стекла были разбиты. Янковский пытался в темноте нащупать ребенка, чтобы немедленно унести ее из комнаты.

-Фёдоров, мы должны вывести ребенка и Аяну отсюда! — кричал он сквозь шум ветра.

Дверь в родильную комнату открылась и из акушерской ворвался свет. на пороге стоял Алекс и по темной комнате бегал глазами. А за ним выстроились Станислас, Божена, Аяну и Фангишк. В следующую секунду Алекс уже оказался у изголовья своей днери, быстро завернул ее в собственный хител и «Вылетел» из комнаты. А Аяну с Фангишком схватили операционный стол и вынесли Аяну в акушерскую. Алекс из акушерской выбежал через коридор в комнату на пролив и в первый раз посмотрел на своего ребенка при свете. Маленькая Ерунгильда активно шевелила губками, как будто искала грудь. Счастливым Алекс улыбался до ушей. В комнате появились Доктор Янковский, Новачек и Фёдоров.

-Алекс, ваша девочка... — невнятно бормотал перепуганный и растерянный Янковский.

-Какая она красивая, какая нежная, - повернулся Алекс к докторам — большое вам за все спасибо! Как Аня?

-Аня? Аня хороша, мы ее перевели в акушерскую Там тепло. Аня хороша, - все еще бормотал Янковский.

То что происходило на его глазах, было чудом. Новорожденная, которая пару минут назад была при смерти, теперь вела себя как вполне здоровый ребенок. Она жала ручками и издавала нежнейшие звуки. Доктора переглянулись. Сказать было нечего. Янковский быстро пришел в себя и как ошаренный повернулся к коллегам.

-Коллеги, дело надо довести до конца. На пациента надо наложить швы до конца и вывести из наркоза. Как только закончите, сообщите, чтобы мадамца отвести к матери на грудь. А пока я останусь здесь и буду заботиться о состоянии ребенка.

Только доктора вышли из комнаты и Янковский повернулся к Алексу, как столкнулся с его испуганными растерянными глазами. Алекс смотрел то на ребенка, то на Янковского, словно пытаясь найти ответ.

- Доктор, в чем дело? Быстрее, посмотрите, она как будто не дышит и вся горит.

Янковского вдруг самого обдало жаром и оббито холодным потоком. Он еще ничего не успел осмыслить, как вновь оказался лицом к лицу с главной проблемой, да еще и один. К счастью его мозг быстро переосмыслил все и из происходящего выбрал единственный предлагаемый вывод.

- Барон Алекс, сейчас выдержите мне поверить. Прошу вас, отдайте мне ребенка, - быстро начал Янковский.

- Отдать ребенка? - ничего не понял и так растерянный Алекс.

- Да, точнее, прошу вас доверить мне. Сейчас нет времени все объяснять, но если срочно не принять меры, ребенок может погибнуть. Мне можно проигрывать температуру ребенка. Ничего не спрашивайте и просто поверьте. Знаю что надо делать.

- Да, конечно, прошу вас сделайте уже что-нибудь. Я ничего не понял, просто скажите, что мне делать? - уже умолял Алекс.

Доктор уверенный в себе взял ребенка. Потом посмотрел на Алекса и на полном серьезе сказал:

- Барон, прошу вас, выйти из комнаты и ждите, пока не позволю. Выдержите доверять мне.

- Да, да доктор, конечно, я доверяю вам, - Алекс гордо отклонился доктору и вышел из комнаты.

В коридоре стоял лишь Аану. Из конца коридора доносился звук возмущения и все еще видна была спина Фангишва, который провожал Бонжу к лестнице.

- Аану, что происходит? Хоть ты скажи, в чем дело? - потерявший голову Алекс вцепился Аану руками в запястья и уставился ему в глаза с надеждой, что хоть там он увидит желанный ответ. Аану посмотрел ему в глаза и с уверенностью ответил:

- Алекс, ваш отец иногда говорил в былые времена в сложном положении, "пока еще все живы, так что, будем надеяться на лучшее". И в этот момент вы тоже самое: пока все живы. Лучше доктора здесь. Так что посмотрите, какой выход они предлагают, - Аану еще успел закончить слова, как теперь уже из той комнаты, где находились Янковский и маленькая Брунгильда доносился шум падающих предметов. Это не был звук ломающейся стекла и разрыва, который совсем недавно услышали из родильной комнаты, но отчетливо был слышен шум падающих на пол небольших предметов и стук ставней. Алекс быстро повернулся обратно к комнате, а за ним пошел и Аану. Алекс распахнул дверь и от увиденного застыл на месте: оба она в комнате были открыты, посреди комнаты на столе лежала его полностью открытая дочь, а Доктор Янковский, закутанный в теплый навид, спокойно наблюдал, как надвело на Брунгильду ледяным снежным воздухом. Алекс как пробитый молнией кинулся "спасать" свою дочь вот уже во второй раз за вечер, но ему загородил путь Янковский.

- Нет господин Алекс, прошу вас, не трогайте ее! Посмотрите, ей хорошо. Смотрите, как она спит. - Алекс прошу, успокойся, - сзади Барона за руку взял Аану, - Доктор правду говорит. Ты только взгляни на ребенка на секунду.

Алекс посмотрел на Аану, потом на Янковского, затем на свою дочь. Брунгильда спокойно ворковала и нежно улыбалась.

- Барон Алекс, прошу вас, послушайте! - энергично прорывал говорить доктор Янковский, - знаю это выходит за рамки воображаемого и пока мне самому сложно в это поверить, но у вашей дочери оказалось редчайшее свойство, которое даже не известно болезненно ее сердце работает так часто, что кровь в ее маленьком теле движется с несравненной скоростью. Пока малышка висела от сердечного ритма матери, все было хорошо, но теперь, когда она уже независимый организм, ее тело перед постоянной опасностью перегрева. Маленькое сердце такую нагрузку, может не выдержать. Это именно та температура, в которой она может нормально существовать.

Только так она сможет жить. Я понимаю что то что сейчас вам сложно представить, но именно так мы спасли вашу дочь и вы как отец, должны ей создать такую среду, в которой она сможет существовать в условиях вечного мороза.

К сожалению медицина, еще не дошла до того уровня развития, где мы смогли бы каким-либо революционным путем помочь вашей малышке. Алекс, мне правда очень жаль, но могу вас утешить лишь тем, что ваша дочь будет жить.

Алекс как будто ничего не слышал. Он не спускал глаз с Брунгильды. Медленно приближался к ней и из расширенных глаз рекой лились слезы.

ГЛАВА 4

Вести о маленькой Брунгильде так же быстро облетели центральную Европу как и вскоре забыли. Целые дни и озабоченные родители рассматривали тысячи возможных выходов из сложившегося положения. Уже было понятно, как можно было поддерживать жизненные условия для Брунгильды, но вопрос был где? Когда бы не было, зима закончилась бы, а там уже думать о чем-либо было бы уже поздно. Приглашение из всех соседних графств и королевств инженеры предлагали разные холодильные комнаты и снегозащитные камеры. На всякий случай двум разным инженерам Алекс заказал устроить подпольные камеры в подвале замка, но эта идея его не устраивала стопроцентно, так как ее дочь существенно должна была вырасти и жить в заключении.

В один из таких грустных вечеров радумий, в дверь кабинета Алекса раздался стук. В это время Алекс никого не ждал. Он даже испугался, подумал опять чтонибудь не так с Брунгильдой и как укушанный отворил дверь. У двери стоял Аану и застенчиво улыбался. Алекса конечно же отпустило и сам тоже улыбнулся.

-Аану заходи мой добрый друг. Говоря по правде, я очень испугался, когда услышал стук в дверь, но увидев тебя очень обрадовался. никогда от тебя не слышал плохого, -Алекс пошел к столу и предложил Аану стул. В два хрустальных стакана разлил бренди, один подал Аану, а другой взял себе, -Я даже помню когда протала грута Волкана и все горевали о его гибели, ты пришел ко мне и сказал «если Волкан погиб и в правду, знай, эту скорбь мы разделим все вместе. Так же хочу, чтоб ты знал, искателя приключений где быне было, но обязательно ждет опасность, но Волкан прошел очень насыщенную и счастливую жизнь. Для него было счастьем каждая секунда проведенная с друзьями и еще большим счастьем было непрекращающиеся приключения. Он с сознание делал свое дело и был счастлив, что делал это для своей страны. Но счастливее всего его делал ты. Он жил для тебя и если его нет в живых, то последние его мысли были о тебе и твоей матери. Просто сохрани его любовь и когда у тебя будет свой ребенок, подари ему». За это я сейчас благодарю тебя и хочу чтоб ты знал, что из друзей Волкана ты единственный, которому я всегда доверял, как ему самому.

Аану спустил голову и у него задрожали плечи. Он и правда не различал Терки с Алексами. обижал любил одинаково, с самого детства. Алекс подошел к Аану и обнял его за плечи. Аану поднял голову и у него на лице снова была улыбка, хотя в глазах осталось немного печали.

-Алекс, я вспомнил все что, и подумал это может быть хорошей вестью для тебя. Это старая история, которая случилась с мамой и дядей около на дальних землях. Я даже помню некоторые названия тех мест. Одним словом, десяток охотников и среди них мой отец, в течении двух или трех недель гнались за большим стадом оленей к северу. Я уже сказал что была зима? Да, конечно была зима. Ммм... в том лесу был... да, этот лес был в горах. Одной ночью на их лагерь напали волки. Один охотник, по моему погиб, а трое или четверо пострадали настолько, что должны были там остаться хотя бы на месяц и подкормить друзей, или же оставить их и покинуть то место, так как перевести их было невозможно. Что было делать? лагерь обвели деревянной оградой и чемоданы, травками и животными жиром нанали лечить раненых. Волки почти каждую ночь налетали на лагерь, но ограда как-то спасала. Естественно им приходилось выходить на охоту и однажды так потеряли еще одного человека, хотя гару волков все таки убили в отместку. Конечно, прошло почти два месяца пока раненые с трудом но смогли встать на ноги, но снег вокруг не убавился даже на палец и мороз стоял все такой же как в январе. Удивительно было то, что в это время уже надлежало быть середине весны. В таком темном снеге, раненые все равно не могли передвигаться. Решили продержаться еще немного и уже все вместе выбираться хорошо подкрепленным, так как слабый и хромой человек был легкой добычей для волков. Прошел еще один, а может и два месяца, но не погетело и на чуточку. Зима продлилась как ни в чем не бывало. Так или иначе, но ходить уже могли все и решили покинуть то место. Здесь и случилось чудо: почти целый день шли по лесу и в итоге заметили, что снег начал убавляться. А еще через час из леса вышли на луг и попали в обыкновенное лето: солнце уже садилось, но было тепло, вокруг цветы и травы и легали бабочки. Они были такими уставшими, что совсем забыли про волков и улегшись в траву крепко заснули. На второй день их разбудила жара. Никак не могли понять, как очутились из долгой зимы прямо в лето. Далеко вернулись другим путем, но лето их уже не покидало. Не отец, не другие охотники, больше не попадали в те края, но «сказ про зимний лес» сохранилась как легенда.

Алекс до конца выслушал Аану, потом секунды две-три уставился на него с поднятой бровью после чего наклонился к Аану и чтобы убедиться в том что он думал, испытываясь спросил:

-Аану, не хочешь ли ты сказать, что где то существует лес, где вечно зима?

Аану задумался и продолжал рассуждать:

-Ммм... я очень на это надеюсь, так как мой отец провел там лишь четыре месяца. Конечно же, если возможно, чтоб как минимум где-то месте зима продлилась вплоть до лета, а рядом вели поля, тогда мы должны допустить и то, что то может быть местом где вечно зима. Конечно ооо «зимнем лес» больше я никогда, ничего не слышал.

-Аану, ты ведь это рассказал мне, лишь потому, что веришь в существование этого леса и в то что там вечно зима?! — От возбуждения Алекс почти кричал и размахивал руками.

Аану медленно кивнул головой и сказал улыбаясь:

-конечно же мой мальчик, конечно. Я в это верю и хочу чтоб ты заранее отправил меня с терки на поиски того места. Быстрее и лучше чем я никто не сможет это сделать если тот лес еще существует, я найду его и тогда твоя девочка будет свободным человеком а вы счастливыми родителями рядом с ней. Если надрост вам хлопот за пару часов дойдите до солнечной поляны, прогуляетесь и вернетесь домой. А зимой будете приезжать сюда, в ваш родной замок.

-Аану, к завтрашнему утру все будет готово для вашей отправки. С вами отправится столько людей, сколько нужно. Группу составь сам. К утру все будет готово. Если ты сможешь это сделать.

-Алекс, давай об этом не будем сейчас! Давай, когда все будет в порядке, тогда и благодари... теперь отпусти меня, я должен поговорить с терки. Нам предстоит много чего наладить и подготовить. Утром еще поговорим.

В следующий полдень, группа из пятнадцати человек, которой руководил пожилой Аану, уже находилась в поезде и направлялась в кенисберг, откуда должны были добраться на корабле до Хельсинки. Все верили в успех их путешествия, а больше всех верили Аану и Терки. С одной стороны это было исполнением клятвы данной Волкану, борьба за спасение его потомства, также как Волкан боролся за спасение Терки, а с другой

стороны опять же продолжение дела Волкана, в котором участвовали несколько его старых саратников. Для них было огромным счастьем идти вперед, за приключениями.

Ровно через месяц, от отправления экспедиции Ааму в Лапландию в родной замок Левизи пришла телеграмма, на имя Барона Алекса Левизи "нашли зимний лес. Находимся на севере Финляндии, в поселке Кайлеено. В лесу начали строить временный деревянный дом Ждем Ааму."

После этого все развивалось также быстро, как при отравлении в Лапландию экспедиции Ааму. В Кайлеено с Алексом Анной отправлялись лишь несколько человек. А остальная прислуга оставалась жить в замке, чтобы присмотреть за имением. Сад и двор замка Алекс сбывил открытым для всех детей города, которые захотели бы там поиграть, а родную библиотеку Левизи открыл для всех тех людей, кто любил читать и учиться.

Конечно же, семья Терки также готовилась к отправке. Ботумира, мамма Кельми была из семьи местного лесника и ей было очень трудно расставаться с пожилыми родителями. А Кельми был даже рад, ведь его папа был настоящим лапландцем, а сам никогда там не бывал. При прощании Кельми сообщил Алисе, что обязательно придет следующей зимой вместе с мамой. Затем попрощался с ней, поцеловал ее в щеку и поцеловал в первый и последний раз.

К концу зимы 1868 года вся семья Левизи уже находилась на севере Финляндии, в поселке Кайлеено. Радости Ааму не было конца. Он снова был на родине. Вскоре все переехали жить в большой деревянный дом в "зимнем лесу", а поблизости, на возвышении под руководством Терки, уже строился новый замок.

ГЛАВА 5

1968 год

Кайлеено. Прошло одно столетие с тех пор, как семья Левизи поселилась в Зимнем лесу.

Сю, хотя про них уже никто не помнил. Единственное кого вспоминали да и то лишь дети, была Брунгильда, которой уже давно не было в живых и никто ее по имени не называл. Ее все упоминали как "Снежную королеву". Никто даже не помнил где стоит ее замок. В зимнем лесу никто не ходил. Кроме того что в зимнем лесу всегда был мороз, еще свистели волки, которые нападали на всех кто вышел туда живых существ. В северном полушарии земли стояло лето, хотя в тот год в Кайлеено было необычно холодно, особенно вечерами, можно было подумать, вот, вот пойдет снег. Старшие и дети повторяли, что "Снежная королева" проснулась и зима собиралась прийти рано. Кайлеено почти не изменилась, разве что там тут передвигались несколько машин.

Этим летом в Кайлеено гостила одна маленькая девочка вместе с родителями. Девочку звали Инге, ей еще не было девяти лет и жила в городе вместе с мамой и папой. А здесь гостила у бабушки Берты в ее красивом старом деревянном доме. К дому бабушки Берты так же, как и почти все дома в этом красивом поселке с переди и сзади примыкал сад. Мамма Инге, Линда Хедстром тоже жила и выросла в этом красивом доме, пока не встретила отца Инге, Ларса Снита и переехала жить в город. Бабушка ей рассказывала много веселых историй про детство Линды. Иногда выжидательно детские вещи Линды и Инге развлекалась игрушками и одеждой детства своей маммы. Ларс работал в городе и часто оставлял Линду с Инге у бабушки, а сам возвращался в город на работу, в штаб военной авиации. У Линды Хедстром и Ларса Снита в Кайлеено тоже были друзья. Таким был например, Доктор Элер, который жил в поселке лишь последние два года и был хорошо воспитанный и вежливый человек. Он часто гостил у бабушки во время пребывания там Линды и Ларса. Элер был особенно внимательным к бабушке Берте и часто помогал ей необходимыми медицинскими препаратами, или же обследованиями. Линде и Ларсу нравился Элер, он был веселым человеком, который мог интересно поговорить о литературе и медицинских достижениях, а еще и пошутить хорошо. Лишь Инге была недовольна визитами доктора. Девочка видела в нем что то искусственное и старалась держаться от него подальше.

Но несмотря на то что лето еще не кончилось, необычный холод еще больше усилился и что было очень неприятно, к этому добавилась болезнь Линды. Сначала ее состояние вроде не очень отличалось от простой простуды, но через несколько дней она почувствовала себя хуже и доктор Элер усердно подумался к ее лечению. Инге очень не нравилось поведение Доктора Элера и привнеслась родителям.

- когда Доктор Элер входит в наш дом все время тараторит, глаза по сторонам словно ищет что то и я не доверяю ему. Думаю что он плохой человек и нам тоже желает плохого.

Мамма стало только слышно и пыталась ее утешить.

- что ты также говоришь Инге, если бы доктор Элер не был таким внимательным заботливым, не знало что стало бы с нашей любимой Бертой прошлой зимой, когда она была одна здесь с воспалением легких.

- А я все равно не верю ему и не хочу, чтобы он касался тебя. Он злой. Я скажу папе чтобы прогнал его, если еще раз придет сюда. Инге прослезилась и сбинула маму Левизов кресле. Линда крепко сбинула дрюк и приласкала.

- хорошо мой птеник, не переживай так. Если тебе не приятно, Ларс позвонит ему и скажет, что я отдыхаю он к нам не придет сегодня вечером. К тому же лето тоже подходит к концу, скоро мы вернемся в город и Доктора Элера уже не увидим совсем.

- Если бы он был хорошим доктором тебе уже должно быть хорошо, а тебе еще хуже, чем было в начале. — Инге села мамма на колени, положила ей голову на грудь и с мамминых коленей натянула себе на плечи связанное бабушкой теплое покрывало, закрыла глаза и руками обхватила ее плечи. Линде было так приятно близость Инге, что в ту секунду ее больше ничего не беспокоило. Она только улыбалась.

И в правду, лето подходило к концу, а Линде становилось все хуже. Не Доктор Элер, не его лекарства ни в коем случае не помогали. Инге не охотилось играть с друзьями. Бабушка Берта тоже была озабочена, не могла понять, чем с ее дочкой.

В один день Ларс решил, что уже было достаточно и начал готовиться к отправке Линды и Инге в город.

- Линда, лучшее время вернуться в город и провести обследование в больнице у нормальных докторов. Я сильно жалею, что до сих пор не сделали этого. Я не знаю этого Элера и правды доктор или Электрик, но очевидно, что тебе хуже и на простуду это не похоже.

Инге стояла рядом и слушала папу. Она была рада, что наконец кто-то поддерживал ее в намерении к Элеру и самое главное, маму вывели бы надеемся отсюда.

На следующее утро Ларс укладывал вещи в багажник машины, а бабушка Берта готовила корзину с лесными ягодами и разной снедью. Тем временем Линда сидела в кресле и ждала завершения подготовки к отправке. Ларс закрыл багажник и повернулся к дому, когда услышал крик Инге из комнаты.

- Папа, папочка, помоги, быстрее!

Ларс ворвался в комнату. Прилежная в кресло Линда бросила голову назад, а бабушка Берта пыталась привести ее в чувство. Инге стояла рядом и держала мамину руку.

- Ларс, скорее, на кухне, там на полке на кухне стоит, принеси! — крикнула бабушка.

Ларс вернулся в мгновение ока и бабушка поднесла открытый флакон к носу Линды.

Линда выдохнула с шумом открыла глаза.

- стойте, я сейчас же позвоню доктору Элеру, — прокричала бабушка и собралась идти, но ослабевшая Линда взяла ее за плечо и еле проговорила:

- Не надо, Ларс поедет скорее, хочешь быстрее приехать дочкой. Инге садись в машину — по Линде было видно, что сама была изрядно перепугана из-за случившегося и не хотела больше "играть" с болезнью. Ларс сильно волновался, но сдерживал себя, так как кроме Линды еще маленькая девочка и бабушка тоже смотрели на него. Он накрыл Линду связанную бабушкой покрывалом, осторожно взял ее на руки и отнес на двор. Инге побегла вперед, чтобы встретить у машины и помочь посадить маму. Когда Ларс и Инге поудобнее разместили маму на заднем сиденье, из дома вышла бабушка с полотенцем в руке, куда она по быстрому нажала свое одеяло.

- поддержите меня, я тоже поеду! — с дери крикнула бабушка. Ларс и Инге тихо посмотрели на нее. Только Линда проговорила про себя:

- Мам, ну займись сейчас нужно было это?

Бабушка быстро закрыла дверь и скорым шагом пошла к машине.

Машина лесной дорогой удалялась от Кейлен. Ларс горел желанием поскорее доехать до города и сам того не замечая поднимал скорость, но как только вспоминал про Инге, сразу сбрасывал скорость. Чем больше удалялась машина от Кейлен, тем теплее становилось и уже подезжая к городу было так тепло, как это обычно бывает летом. Линда попросила Ларса немного опустить окно и воздух подувший снаружи немного оживил ее. Она посмотрела на Инге которая сидела у ее ног. Девочка заснула положив голову на мамин плечико. Линда улыбалась так, словно чуть радовалась, на самом деле она просто пыталась навсегда запомнить этот момент. Входящие в машину солнечные лучи сотворили красивые цвета на лице и волосах спящей Инге. залетающий в окно воздух нес с собой запах травы и создавалось ощущение, что все хорошо.

Скоро машина остановилась у одной из городских больниц. Еще немного и Линда уже лежала на "тележке" ее катили по длинному коридору. А бабушка Берта сидела в машине вместе со спящей Инге и с нетерпением ждала появления Ларса, чтобы узнать весть о своей дочке. Друго никто не появился. Наконец стемнело и Инге проснулась:

- а где мама? — сразу спросила она.

- мам в больнице, моя маленькая. Скорее придет папа и все расскажет, — объяснила бабушка, но Инге не желала оставаться в машине.

- Нет, пойдём мамочке войдем туда и посмотрим как она.

- Инге, малышка, мам, туда не всех пускают. Папа скоро выйдет и все узнаем.

- Нет, нет бабушка, я не могу оставаться здесь, идем!

Инге вышла из машины и побегла к больничному входу. Берта погналась за ней так быстро, как могла. Инге вошла в больничный коридор. Рядом шли бабушка и медсестра среднего возраста. В конце коридора Инге увидела отца, который разговаривал с врачом. А точнее, врач тихим голосом объяснял ему что-то, а Ларс тихо слушал его. Инге побегла к отцу. Как только Ларс увидел дочь, он пошел ей навстречу, наклонился и обнял ее.

- Папочка, с мамой все хорошо? — спросила Инге отца.

- я только что говорил с врачом он посоветовал, оставить ее в больнице, чтобы ей стало лучше. А как ты?

- я хорошо, а что с мамой? Девочка хочет здесь остаться.

- мы пока не знаем, что с мамой, по этому она должна побыть в больнице некоторое время. Завтра обязательно увидите. Сейчас она устала и спит. Сегодня ночью останусь здесь, а тебя с бабушкой отвезу домой и вы ночью будете вместе. Хорошо?

Инге не очень была довольна словами отца, но что было делать? так было нужно. Ларс забрал бабушку с Инге домой на машине и поднял их вещи. Потом поцеловал Инге и вернулся в больницу.

Не на второй, не следующие дни Линду из больницы не отпустили, потому что ее состояние постепенно ухудшалось, а у врачей точного ответа не было. Девочке не охотилось от мамы. Только ночью ей не давали оставаться в больнице. Бабушка Берта и Ларс по очереди оставались с Линдой.

ГЛАВА 6

Скоро настал сентябрь и дети пошли. Инге каждый день приходилось одной идти в школу, а из школы в больницу. Отец каждый день был на работе, а бабушка в больнице. После работы Ларс шел в больницу, чтобы заменить бабушку. Инге всегда была там в это время – готовила уроки, или же читала маме. Состояние Линды никак не улучшалось, наоборот, становилось все тяжелее и у врачей все еще не было ответов.

Инге по привычке и по привычке ходила в школу. В один день, на уроке литературы в класс вошел директор и позвал Инге в коридор. Девочку в коридоре встретил папа. По лицу Ларса было видно, что что-то случилось. Он спустился к Инге, но не мог посмотреть ей в глаза.

- Папочка, что случилось? – спросила Инге.

Ларс повел головой и еле вытянул из себя:

- Нет, я не знаю что произошло, – затем опустил голову и прикрыл глаза рукой.

- Папочка, чтонибудь случилось с мамой? – Ларс пытался ответить, но вместо слов из него исходило нечто похожее на вой. Одной рукой он прятал морщю от слез лица, а другой держал Инге за плечо.

- Инге, выдержите, – еле вымолвил наконец.

- Папочка, что случилось? – заплаканная Инге сбивала папу, – скажи, что с мамой?!

Ларс встал, взял Инге на руки и крепко прижал к себе, потом как-то собрал силы и тихо провнес:

- Мамочки больше нет.

Инге ничего не сказала, уткнулась головой в папино плечо и заплакала на взрыд.

Ларс даже не знал что сказать Инге, или чем ее утешить. Он даже не понимал, куда идет. В себя пришел на какой-то незнакомой улице и только тогда вспомнил, что машину оставил у школы. Положив ее на плечо голове, избежавшая от плеча и морщю от слез Инге заснула. Сонную Инге Ларс поднял дрожащей и положил на постель.

Следующие дни были такими же тяжелыми, каким-то могло быть потеря матери для маленькой девочки. Инге перестала выходить из дома. Она даже не хотела слышать про школу. Целыми днями сидела в маминной комнате и перебирала ее вещи и фотографии. Иногда она ложилась в мамину кровать и клала себе к лицу плюшевую игрушку Линды, чтобы почувствовать ее запах. Кроме отца и бабушки, девочка больше никого не подпускала к себе. Бабушка Берта и Ларс часто говорили о том, как помочь девочке.

Одним вечером вернувшись с работы Ларсу бабушка Берта раскрыла свое письмо:

- Ларс, ребенок сегодня из постели не вставал и она даже не ела ни разу. Знаю что ты в сложном положении с одной стороны ты не можешь отказаться от службы так как Инге столько всего нужно. Уюта и сада в Кейлене. Если за ним не присмотреть, так весь урожай пропадет. Девочке нужно общение и внимание. Если я вернусь в Кейлене, кому будет присмотреть за Инге. Подумала забрать ее на время с собой хотя бы до зимы. Будет там на воздухе, к тому же в доме, где ее мать провела все детство и он полон воспоминаний и вещей Линды. Девочка будет радостно мной и я хоть не много заплатишь потерю. Может там в школу пойдет, что скажешь?

некоторое время Ларс сидел молча, уставившись в пол, а потом медленно кивнул головой.

- может и будет лучше. Попрошу Главное, чтобы сама согласилась. Конечно же для меня это не будет легко, но посмотрим, может это и правда поможет ей выбраться из положения.

На второй день папа по привычке пошел на работу. Инге снова не вставала из постели. Бабушка зашла к ней в комнату и занесла свежие испеченные булочки и молоко, точно так, как это делала мама. Инге очень обрадовалась бабушке и присела в кровати. Она даже улыбнулась увидев булочки и немного поела. А пока ела, бабушка ей прочла свое письмо. Инге немного подумала а затем грустная посмотрела на бабушку.

- да, хочу. Поеду в Кейлене, только я лягу в мамину постель и по выходным пусть папа приезжает ко мне.

- я все сделаю для тебя, моя маленькая, – бабушка Берта обняла Инге. Она была готова плакать от счастья. Девочка проявила "привычку жизни".

Перед отъездом Инге долго разглядывала мамини вещи, чтобы взять себе что-нибудь на память. В итоге она отложила для себя четыре вещи: в мамину перламутровую шапку, любимые духи Линды, жемчужные серьги, небольшой гребешок и очень красивый, маленький розовый кристалл, который до этого она никогда не видела. Он очень понравился ей и решила взять себе на память.

ГЛАВА 7

Был уже конец сентября, когда бабушка Берта и Инге вернулись в Кейлене. Инге оставила город и с ним как будто часть своей боли. Все еще думала лишь о маме и занималась в основном фотографиями и вещами, хотя уже не отказывалась погулять с детьми. У Инге было много друзей в Кейлене и все они сочувствовали ей. Дети часто приглашали ее к себе и их родители, очень тепло и с заботой принимали. Искреннее внимание и забота друзей и вправду помогали одолеть тяжелый период. Если раньше она предпочитала уединиться дома лишь думая о маме, то сейчас уже не отказывалась даже поиграть с ними. За такую поддержку Инге еще больше потянула своих друзей и в один прекрасный день, когда они предложили пойти с ними в школу, Инге с радостью согласилась. Больше всех радовалась бабушка – девочка наконец "оживла". Ларс приезжал каждые выходные приезжал в Кейлене и Инге была счастлива в те дни. Она обязательно стала радостно папой и целые дни гуляла, или же гостили семья друзей. Инге была рада до небес, что у нее есть такой веселый, внимательный и заботливый отец.

Также очень внимательным Инге был директор школы господин Стокер – мужчина средних лет, среднего роста, худощавый, с очень спокойными умными чертами лица.

У него были угловатые черты лица и носил очки. А также всегда носил пиджак с кожаными заплатками на локтях и черную «бабочку» на воротнике. Директор был исключительно вежливым ко всем, ну а к Инге как уже и сказал был особенно внимательным.

Доктор Элер тоже не остался невнимательным Бабушке и Инге. Он сразу пришел к Бабушке и выдвинул ей свои соболезнования, однако для бабушки состояние Инге было важнее – поэтому вежливо пояснила Доктору, что после потери матери девочка была не в духе общения с гостями и попросила его в ближайшем будущем воздержаться от визитов.

Элер с пониманием отнесся к просьбе бабушки. Даже наборок-извинился и покаялся, что ни чуть не обиделся. Все то время, пока Элер гостил в их доме, Инге не выходила из лавочной комнаты.

Однажды Инге рассказывала бабушке, что несколько раз в ночное время, она замечала, как кто-то заглядывал в их окно и по ее мнению это был Элер. Бабушка не сдержалась и рассмеялась.

– да что ты так еще говоришь Инге? Доктор Элер взрослый, серьезный человек, как он мог себе такое позволить? Он же не маленький мальчик, лазать в чужие сады по ночам!

Инге лишь сдвинула брови и ничего не ответила, но Элер ей не нравился все равно.

Было уже Октябрь. Инге ходила в школу и даже хорошо училась. После школы она часто ходила в парк Кайлеена вместе с друзьями, поиграть в рано выпавшего снега, летним снегом покрывавших лавочки и кусты парка. Теперь дети еще чаще упоминали «Снежную Королеву».

Раннее похолодание и снег тоже присыпали ей. Инге было очень интересно про «зимний лес» и однажды играя кубиками со своим лучшим другом Бэнни на лавочке в саду бабушки, она спросила его.

– Бэнни, а ты чтонибудь знаешь про «зимний лес»?

– я? Ну да, знаю что-то. Знаю где он. Однажды мы с отцом были близко подошли к тому лесу, только замок королевы не видел.

– правда? А тыверишь, что там правда есть замок «Снежной Королевы»? может

«Снежную Королеву» просто выдумал кто-то?

– ну, не знаю.. – немного растерялся Бэнни, – тот лес вот в той стороне, к западу. Отсюда можно пешком идти за несколько часов. Как только приблизишься, почувствуешь холод, но входить туда опасно из-за волков. Это называется волки «Снежной Королевы» и когда она просыпается, зима крепнет.

– да, может быть. Это интересно. А вообще волки живут почти во всех лесах.

– да, но эти волки совсем бешеные и никого не пускают в лес, – не сдержался Бэнни.

Тем же вечером Инге пошла с вопросами к Бабушке. Правда она и раньше от нее слышала про «зимний лес», но теперь ее интерес был больше и ей нужно было больше ответов.

Бабушка стояла на кухне и пекла булочки с творогом. В доме кружилась сказочная атмосфера.

Инга встала сзади бабушки и тихо уставилась на нее, как будто ждала, когда она освободится. Бабушка выкладывала горячие булочки на тарелку, когда по-матерински взглянула на Ингу и повернулась:

– Инге, маленькая моя, все ли у тебя в порядке?

– да, да бабушка, я хотела что-то спросить... однажды летом ты много рассказывала мне про зимний лес, помнишь?

Бабушка немного задумалась, потому что на самом деле не помнила.

– да, помню, но зачем ты это вспомнила сейчас?

– какие?! Пока еще октябрь, а на улице уже лежит снег. И Бэнни и другие дети говорят что в зимнем лесу проснулась «Снежная Королева». И вообще, почему в «зимнем лесу» всегда зима? Или же кто такая «Снежная Королева»?

Бабушка снова задумалась, так как она должна была ответить сразу на несколько вопросов.

Знаешь, в мое детство в зимнем лесу на самом деле жила одна женщина. Ее звали Брунгильда Лавви. Говорили, что Брунгильда живет в неотопленном замке. Тот замок я никогда не видела, но иногда зимой она появлялась в Кайлеена. Именно ее люди прозвали «Снежной королевой». Хотя уже давно, как Брунгильда умерла и я сильно сомневаюсь, чтобы нынешняя ранняя зима было ее виной, или хотя бы то, что в «Зимнем лесу» всегда холодно. Как говорят Брунгильда просто не могла жить в тепле. Вообще то поговаривали «Зимнего леса» стоит еще один замок и в молчании я знала одного мальчика, который жил в том замке. Его звали Тор Урсуберген Миддужити. Хотя долго это не продлилось и поэтому я не так уж и много знаю про него. Тор Урсуберген был очень хорошим человеком, а к тому же и талантливым. Но он уехал учиться в город, где как я слышала, позже женился. После того ничего о нем не слышала. Миддужити не встретились никогда.

Инге внимательно слушала бабушку, но к концу повествования было видно по ее лицу, что этот рассказ еще больше разбудил в ней интерес.

– а ты не знаешь почему холодно в «Зимнем лесу»? – не отставала от бабушки.

– про это к сожалению ничего не знаю. Зато я знаю, что если быстрее не съешь булочку с молоком, она остынет. А потом придется укутаться и залезть в теплую постель. Баночка уже согрелась.

Девочке очень хотелось узнать по больше про «Зимний лес» и «Снежную Королеву», за этим она могла лишь обратиться к своей фантазии. Инге на время забыла «Зимний лес».

Так как очень любила по вечерам свежеспеченные булочки с молоком, а потом сидеть в теплой бане, когда бабушка ее купала и рассказывала истории детства Лиды. Из бани, завернувшись в большое полотенце, бабушка несла Инге в мягкой тепломеховой постель, где продолжала думать о маме пока засыпала. В тот вечер Инге увлекли мысли о "Зимнем лесу" и очень скоро тихо заснула.